

Геополитическая подоплека российско-китайского инвестиционного взаимодействия в Центральной Азии

© 2013

В. Балакин

Китай издавна рассматривал пространство Центральной Азии как зону своего исключительного внимания и вряд ли готов смириться ныне с попытками США обустроить здесь свое постоянное присутствие. Представляется обоснованной точка зрения экспертов, считающих вполне реальной возможность постепенного формирования в этом регионе российско-китайского экономического взаимодействия, включая долговременные двусторонние договоренности по комплексному развитию крупных региональных инвестиционных проектов.

Ключевые слова: ШОС, «Набукко», геополитика, российско-китайские отношения, инвестиционные проекты.

В межкризисный период 1998–2008 гг. Центральная Азия стала занимать все более заметное место в градации политических интересов России и Китая. Но если российская политика в регионе до настоящего времени не обрела реальной четкости и гибкости, то китайская демонстрирует очевидную направленность на самое тесное сотрудничество с центрально-азиатскими государствами (прежде всего, в экономической сфере). Для России в Центральной Азии значительную проблему с геополитической, военной и экономической точек зрения представляет не столько нарастающая региональная экспансия КНР, сколько постоянные трения и противоречия между самими центрально-азиатскими государствами, облегчающие Вашингтону возможности разыгрывать стратегические пасьянсы, направленные против национальных интересов и России, и Китая, тогда как их активное участие в процессе геополитических и геоэкономических изменений на азиатском континенте естественным образом подталкивает Москву и Пекин к поиску в Центральной Азии долгосрочного стратегического компромисса, в первую очередь в инвестиционной сфере¹.

Для серьезных инвестиционных проектов здесь налицо реальная основа в виде гигантских запасов практически всех видов сырья, включая энергетические ресурсы (в частности, уголь, газ и нефть). Как с российской, так и с китайской стороны в межкризисный период наблюдались попытки использовать при освоении экономического пространства Центральной Азии частную инициативу, причем масштаб решаемых проблем потребовал задействовать механизмы непосредственного государственного планирования.

КНР уже включилась в процесс фундаментальных глобальных изменений и реально претендует на роль супердержавы. Для России это создает весьма непростую геополитическую ситуацию, когда с одной стороны российской границы наращивает свою

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 124–08–28.

совокупную мощь динамично развивающийся Китай, а по другую ее сторону многонаселенные центральноазиатские государства пытаются закрепиться в российском экономическом пространстве, направляя туда мощные потоки трудовой миграции. К этому добавляется несовершенная с технической точки зрения охрана протяженной российско-казахстанской границы и пока еще не восстановленная мощь российских вооруженных сил, что напрямую влияет на общий уровень региональной безопасности в Центральной Азии. Российско-китайское инвестиционное взаимодействие в регионе сулит России возможность обрести в лице Китая устойчивого регионального союзника, причем для укрепления и расширения этого взаимодействия налицо широкий круг вариантов, опирающихся на общий баланс возможных интересов двух стран, объективно заинтересованных в стабилизации геополитической обстановки в Центральной Азии через синхронизацию дипломатических усилий по предотвращению роста западного влияния на местные политические и экономические элиты.

В двусторонних отношениях с лидерами центральноазиатских государств руководство КНР отказалось от любых идеологических схем, заменив их прагматическими принципами, основанными на экономических интересах. Двусторонние инвестиционные проекты, прежде всего, ориентированы на развитие ресурсного производства, хотя в последнее время Китай начинает предлагать центральноазиатским государствам масштабные капиталовложения в агропромышленную сферу и даже в возрождение советских предприятий, относившихся некогда к военно-промышленному комплексу СССР. В обозримой перспективе Российской Федерации не останется иного выбора, кроме принятия предлагаемых Китаем новых правил геополитической игры — встать на путь углубления инвестиционного взаимодействия с Пекином в расчете на решение проблемы более высокого стратегического уровня, а именно: создать ощутимый российско-китайский противовес растущим притязаниям США и Евросоюза на преимущественное доминирование в экономиках центральноазиатских государств².

При этом возрождение ислама в новых государствах Центральной Азии постепенно радикализирует региональную ситуацию. Отдельные националистические проявления, последовательно сливаясь в мощную волну недовольства старой советской номенклатурой, встречают не столько отпор им, сколько попытки «оседлать» националистический тренд. Китайское руководство вынуждено учитывать рост исламского радикализма в Центральной Азии, поскольку он непосредственно отражается на общей нестабильной ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, где проживает около 1 млн представителей центральноазиатских народов неханьского происхождения³.

У России и Китая сегодня не могут не вызывать озабоченности попытки США разыгрывать «исламскую карту» в Центральной Азии, искусственно нагнетая межэтнические конфликты и подстрекая формирование на протяженных границах РФ и КНР зон геополитической нестабильности. В самих же США звучат признания, что Вашингтон не прочь создать условия для распространения афганского конфликта на всю Центральную Азию, задействуя при этом финансовые и идеологические ресурсы Саудовской Аравии и других ближневосточных монархий. Показательно, что даже в правящих кругах Японии традиционно непростые российско-китайские отношения расцениваются как вполне возможное «синергетическое партнерство», основанное на обоюдном ощущении нарастающей угрозы со стороны Вашингтона⁴. Под вопросом, однако, жизнеспособность такого партнерства на более отдаленную перспективу.

На Западе многие расценивают соперничество между Россией и Китаем как неизбежность в силу заметной противоположности их долгосрочных целей. Так, Россия пытается сохранить свое влияние в Центральной Азии, в то время как Китай нацелен на расширение своего экономического присутствия в регионе. Тем не менее, вряд ли надо рассматривать потенциальное российско-китайское соперничество в качестве фактора, способного перевесить последовательно растущее стратегическое сотрудничество двух держав как на

региональном, так и на глобальном уровне. И нынешняя активность США в центрально-азиатском регионе как раз стимулирует сотрудничество Москвы и Пекина в этой части постсоветского пространства. В реальности американская политика разрушает региональную стабильность и фактически поощряет исламистский сепаратизм. В Пекине, например, прямо обвиняют администрацию США в разжигании сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете, одновременно обращая внимание Москвы на последовательное укрепление связей между уйгурскими экстремистскими организациями и террористическим подпольем на российском Северном Кавказе.

По мнению японских экспертов, российско-китайское инвестиционное взаимодействие в центральноазиатском регионе по сути дела может предоставить уникальный шанс Москве и Пекину создать новые рабочие места и предотвратить дальнейшее расширение там американского влияния. Такое взаимодействие сулит центральноазиатским государствам достойную альтернативу в выборе дальнейшего пути развития, поскольку в условиях новой волны глобального кризиса западная модель хозяйствования уже практически не сможет доминировать в этом регионе. По сути, ни Евросоюз, ни США объективно не смогут конкурировать на центральноазиатском рынке с готовой продукцией из КНР и российскими технологиями, продолжающими развиваться в рамках хорошо знакомых местным предпринимателям советских стандартов.

Кроме того, как отмечают эксперты, сегодня регион Центральной Азии становится весьма важным для таких держав как Япония, Корея, Индия, Иран. Каждая из них имеет в Центральной Азии собственные исторически сложившиеся интересы, носящие прежде всего экономический характер. Вместе с тем, как ни странно, Япония, Корея и Индия вряд ли испытывают принципиальное несогласие с международно-правовым оформлением (то есть практической легитимизацией) российско-китайского инвестиционного пространства на просторах Центральной Азии. С этой точки зрения, уже функционирующая Шанхайская организация сотрудничества фигурирует как признанный в рамках ООН международный институт, претендующий на роль еще одного международно согласованного экономического кластера на азиатском континенте⁵.

Имеется, однако, у российско-китайского инвестиционного взаимодействия в Центральной Азии и сфера реальных разногласий: энергетика. Китайское руководство заинтересовано в получении полного доступа к энергетическим ресурсам региона, а РФ — в закреплении за собой контроля за поставками местных энергоносителей. Разница экономических интересов России и Китая в Центральной Азии пока что носит относительно мягкий, на наш взгляд, характер, но в будущем обоим государствам придется каким-то образом искать «соломоново решение» с учетом схождения их долговременных геополитических интересов. Кстати, сама ШОС, по сути, представляет собой не что иное, как сложный компромисс в их непростых взаимоотношениях, которые, вероятно, еще не раз будут подвергаться испытаниям на прочность, как это случилось, например, в августе 2008 г. в период российско-грузинского военного конфликта (во время которого Пекин постарался активизировать свои контакты с Тбилиси).

Нельзя не признать: все более заметное вовлечение стран Центральной Азии в экономическую орбиту Китая связано с тем, что инвестиционный потенциал России в данном регионе явно уступает китайскому. Инвестиционная активность КНР особенно возросла после Азиатского финансового кризиса 1997/98 гг. Объекты особого интереса китайцев — ресурсные активы центральноазиатских государств, а также бывшие советские предприятия из сфер энергетики, цветной металлургии, добычи урана и т.п. В условиях кризиса, начавшегося в 2008 г., Китай остался, по сути, единственным для стран Центральной Азии источником иностранных кредитов и инвестиций.

В 2001–2003 гг. товарооборот КНР с центральноазиатскими государствами более, чем удвоился (с 1,5 до 3,3 млрд долл.)⁶. В действительности, инвестиционное присутствие Китая здесь, как нам представляется, еще больше, поскольку данные региональной

статистики занижались, чтобы не вызывать тревоги у России и промышленно развитых государств Запада. Ведущим торговым партнером КНР в регионе стал Казахстан, на долю которого в 2008 г. приходилось более 80% всех инвестиций. С 1998 по 2008 гг. взаимный товарооборот вырос почти в 40 раз⁷.

По итогам 2008 г. китайские компании добыли в Казахстане в 2,5 раза больше нефти, чем российские. В дальнейшем разница еще более увеличилась: добыча составила порядка 18 млн т со стороны китайских компаний и лишь 6,4 млн т со стороны российских. При этом основная часть казахской нефти добывается, по оценкам зарубежных аналитиков, не китайскими, а западными корпорациями⁸. Относительно прочные позиции в инвестиционной стратегии КНР занимают также Узбекистан и Туркменистан, тогда как роль Таджикистана и Киргизии слабее.

По оценкам Исследовательского бюро при кабинете министров Японии (Найкаку тэсасицу), после нынешнего экономического кризиса роль Центральной Азии как поставщика энергоносителей на мировые рынки будет возрастать, причем от стран Запада можно ожидать активного противодействия попыткам Китая переориентировать центральноазиатские государства на себя как в экономическом, так и в политическом плане. Что касается обострения конкуренции между Россией и Китаем, то оно просматривается, прежде всего, в сфере инвестирования в газовые ресурсы Туркмении, чему способствует ее законодательно оформленный курс на диверсификацию экспортных маршрутов своего углеводородного сырья. Это связано с резким снижением экспортных поставок газа после взрыва на газопроводе «Средняя Азия — Центр» в апреле 2009 г. Туркмении пришлось выдержать давление потребителей, требовавших временного снижения цены на газ. В январе 2010 г. туркменское руководство приняло непростое решение вчетверо снизить его поставки в Россию. Сокращение закупок газа Украиной и снижение доходов бюджета вынудили Туркмению к проработке альтернативных направлений прокачки газа — прежде всего, в Китай. В 2010 г. вступил в эксплуатацию газопровод Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай. Объемы прокачки газа по нему оказались сопоставимы с объемами, ранее закупавшимися Россией (40 млрд кубометров в год); еще по 5 млрд кубометров получили Казахстан и Узбекистан.

Это означало коренное изменение геополитической ситуации в Центральной Азии и для России, и для Запада. За счет прямых китайских инвестиционных кредитов было осуществлено строительство не только газопровода, но и крупнейшего регионального газораспределительного центра в Лебапском велаяте Туркмении, обладающем мощной ресурсной базой, газосборными пунктами, компрессорными станциями. На основе долгосрочного инвестиционного кредита китайцы провели капитальный ремонт, а в отдельных случаях модернизацию ранее эксплуатировавшихся скважин. Первоначальной проектной мощностью этого газопровода Китай ограничиваться не собирается. В апреле 2011 г. между двумя странами было подписано соглашение о строительстве третьей нити газопровода Узбекистан-Китай⁹.

Инвестиционное освоение нефтегазовых ресурсов Туркмении взяли на себя Государственный банк развития Китая и Китайская национальная нефтегазовая корпорация. Работы идут достаточно быстро: к 2014 г. этот проект позволит КНР довести объемы импорта центральноазиатского газа до 65 млрд кубометров в год. Строительство газопровода в рамках европейского проекта «Набукко» вряд ли составит конкуренцию. «Набукко» должен наполняться туркменским газом более чем наполовину, но Китай наверняка выиграет конкурентную борьбу, поскольку его газопровод уже действует и постоянно наращивает объемы прокачки. Как считают японские эксперты, России, судя по всему, придется смириться с подобной инвестиционной активностью КНР в центральноазиатской энергетике, поскольку ее инвестиционный потенциал, как уже отмечалось, несопоставим на данном направлении с китайским.

Рост инвестиционного присутствия Китая в Центральной Азии неизбежно влечет за собой усиление китайского политического влияния в регионе. Практически все центральноазиатские государства уже состоят в значительной финансовой зависимости от КНР. Кризис 2008 г. усилил эту зависимость. Например, в Таджикистан общий объем прямых инвестиций Китая превысил к началу 2010 г. 700 млн долл., включая 600 млн под сверхнизкие проценты в энергетику. Что же касается России, то налицо, напротив, постепенное свертывание деятельности ряда ее крупных компаний в Туркмении, Таджикистане и Киргизии¹⁰.

Как полагают эксперты, инвестиционное взаимодействие Москвы и Пекина в регионе будет во многом зависеть от российской внешнеполитической стратегии в целом, а также от места, которое в данной стратегии будет занимать Китай. Переориентация центральноазиатских государств на различные мировые центры идет полным ходом. КНР вряд ли упустит свой шанс максимально пристегнуть эти бывшие советские республики к своей геополитике. В России это осознают и пытаются противопоставить китайской экономической активности собственную версию постсоветской интеграции. В частности, уже функционирующий Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России может рассматриваться в качестве некоей попытки обозначить устойчивый интеграционный тренд для центральноазиатских государств.

Как ни странно, именно активизация местных и зарубежных противников Таможенного союза стимулирует Россию и Китай к использованию механизмов инвестиционного взаимодействия, дабы не допустить в Центральную Азию общего стратегического противника — США. Как российская, так и китайская стороны, судя по всему, не имели бы ничего против расширения инвестиционной активности в центральноазиатском регионе Японии, Республики Корея, стран АСЕАН. Пекин не раз высказывался в пользу формирования единого экономического пространства с участием этих государств. У КНР уже есть удачный опыт подобных геоэкономических мероприятий — например, заработавшая с 1 января 2010 г. зона свободной торговли «АСЕАН+Китай». Для России варианты восточно- и центральноазиатской экономической интеграции также, по оценкам японцев, могли бы представить реальный интерес¹¹.

Упомянутый Таможенный союз многие эксперты квалифицируют как инструмент в руках Москвы для распространения ее политического влияния на постсоветском пространстве. Но они же отмечают и достаточно доброжелательное отношение КНР к этим интеграционным усилиям России. Китайская «лояльность» к ним трактуется как некая стратегема традиционной внешней политики Среднего государства, суть которой — в стремлении чужими руками свести воедино нечто, в перспективе могущее перейти под его же контроль. Исходя из названной матрицы напрашивается вывод, что российско-китайское инвестиционное взаимодействие в центральноазиатском регионе отвечает долгосрочным геополитическим интересам КНР. Ни у Китая, ни у России нет иного выбора, поскольку США прикладывают огромные усилия к тому, чтобы создать зону своего исключительного влияния в «сердце Азии»¹².

Наметившиеся шансы реального укрепления российско-китайского инвестиционного взаимодействия в центральноазиатском регионе вызывают резкое неприятие со стороны некоторых западных политологов, утверждавших, в частности, что Москва якобы была намерена компенсировать в межкризисный период свои трудности вступления в ВТО созданием Таможенного союза. Указывают, что ради поддержания имиджа самостоятельной великой державы РФ отказывалась рассматривать предложения США и Евросоюза по «сдерживанию» Китая. Последнее вызывает особое неприятие у западных политиков, нуждающихся в российском внешнеполитическом потенциале.

В действительности объективная реальность такова — взаимодействие (особенно инвестиционное) в Центральной Азии делает Россию и Китай сильными игроками на международной политической арене. Российско-китайское сораствление в азиатском ре-

гионе в целом не оставляет Западу возможностей для сохранения отжившей финансовой системы, основанной не столько на реальном производстве, сколько на продаже прав заимствования денежных средств. Современную американскую экономику со всей очевидностью ждут тяжелые испытания. Для нее губительна утрата подлинного контроля над размножающимися в геометрической прогрессии «деривативами» (производными ценными бумагами). Сохранению доллара в роли исключительной валюты благоприятствовало бы недопущение российско-китайского взаимодействия в сфере реальной экономики (что равносильно формированию новой экономической модели, основанной на принципах производственной синергии)¹³.

Между тем, для такой модели уже созревают геополитические условия — и именно в Центральной Азии. На полноправное вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) явно нацелены Иран, Индия и Пакистан, не исключено, что полноправного членства станут активно добиваться Монголия и Беларусь. С учетом негативных дезинтеграционных процессов, развивающихся в Европейском Союзе, перспективы консолидации в ШОС начинают реально беспокоить западных интеграторов-глобалистов. Так, достоянием гласности стало содержание одной из бесед посла КНР в Казахстане Чэн Гопина с его американским коллегой, в рамках которой китайский дипломат подтвердил готовность Китая с осторожностью балансировать между расширяющимся российско-китайским сотрудничеством в Центральной Азии и национальными интересами каждого из государств. Китайский дипломат подчеркнул, что в центральноазиатском регионе объективно присутствует как сотрудничество, так и добросовестная конкуренция в отношениях между КНР и РФ, но отсутствует их политическое противостояние, на которое надеется Запад¹⁴.

1. *Chiyoda Keiko*. Economic Integration in the Central Asia // *Taiwan International Studies Quarterly*. 2009. Vol. 2. Summer. P. 43–61.
2. *Тэранака, Навако*. Тую адзия но тоси кикай то сэйдзи рисуку [*Механизм инвестиций в Центральной Азии и политические риски*] // Канадзава дайгаку. 2011. С. 14.
3. *Andresy A.* Xiangjiang's border trade // *Central Asia Human Development Report*. Paris, 2006. P. 18.
4. *Хонда Исаму*. Синэругиа рирон модэру [*Модель теории синергии*] // Нихон дайгаку кэйдзай гакубу. Токио, 2010. С. 206.
5. *Raballand G.* La déferlante économique chinoise et ses conséquences en Asie centrale // *Monde chinois*. 2007. No. 4. P. 17.
6. *Peyrouse, Sebastien*. The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Repprochment // *Silk Road Paper*. Stockholm, 2007. P. 61.
7. *Swanström N., Zhang Li*. Trade in Central Asia. The New Silk Roads // *Joohns Hopkins University Studies Programm*. 2009. P. 406.
8. *Lifan Li*. Sino-Russia-Kazakh Energy Interaction // *Shanghai Academy of Social Sciences*. 2011. P. 10.
9. *Harada Yasushi*. Chinese Investment in Central Asia Infrastructure // *Central Asia Report*. Tokyo, 2011. P. 19.
10. *Исири Тёкугэн*. Тую адзия-э но Тюгоку кайгай тёкусэцу тоси [*Прямые зарубежные инвестиции Китая в Центральную Азию*] // Кэйдзай кагаку кэнкюсё. Токио, 2011. С. 195.
11. *Yom Sean L.* Power Politics in Central Asia // *Stretegic Insight*. Tokyo, 2011. P. 30.
12. *Ивасита Акэю*. Дзёкай кёрёку кико то Нихон [*Шанхайская организация сотрудничества и Япония*] // Юрасиа сого тайва кёкай. Токио, 2011. С. 61.
13. *Faigenbaum E. A.* The Future of Central Asia // *The Nixon Center*. Washington, D.C. US. 2011. P. 2.
14. *Kellner T.* La République populaire de Chine et l'Asie centrale postsoviétique: étude de politique étrangère // *Institut Universitaire de Hautes Études Internationales*. Genève, 2011. P. 462.